

ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ В ПОЛИТИКЕ КОЛЧАКОВСКОЙ ВЛАСТИ

Н.И. Наумова

(Томский государственный университет)

Составной частью разработки основных проблем истории белого движения является изучение разнообразных аспектов его национальной политики, целей, принципов, мотивов, механизма осуществления, причин неудач, роли геополитического фактора и других обстоятельств её реализации.

В советской историографии политика белогвардейских правительств в национальном вопросе рассматривалась как великодержавная и шовинистическая, противоречащая интересам рабочего класса и крестьянства всех наций. Лозунг «Единая и неделимая Россия» оценивался как отражение этой политики. Позиция белогвардейских правительств трактовались как абсолютное отрицание автономии для всех народов, отрицание интересов нерусских народов.

В последние годы в условиях отказа от чрезмерной политизации, привлекая новые источники, историки уже не интерпретируют эту национальную политику однозначно как шовинистически ограниченную, бескомпромиссную, выделяют противоречивость национальной политики Верховного правителя, её нереализованный потенциал в балансе межнациональных отношений с интересами государства. Такую позицию занимают Д.А. Аманжолова, А.И. Остапенко, и ряд других исследователей. А.И. Ушаков и В.П. Федюк считают, что Добровольческое командование отнюдь не отрицало полностью право народов на самоопределение, и лозунг «Великая, единая и неделимая Россия» не означал, по их мнению, «Россия только для русских». Таким образом, требуется дальнейшее изучение содержания национальной политики белогвардейских правительств, условий её реализации.

Создание Всероссийской власти во главе с Верховным правителем адмиралом Колчаком в Омске 18 ноября 1918 года представляло попытку объединения антисоветских сил. Колчаковский режим поставил задачу образования единой твердой власти для успешной борьбы с анархией, создания государственности и Великой России. Осенью 1918 г. представители общественности в лице омских кадетов сформулировали эту систему ценностей следующим образом: «Благо России должно быть мерилом всех вещей», Россия «выше всяких завоеваний революции» и дальнейших «мечтаний к чему бы то ни было через труп Родины»¹.

Из интервью управляющего делами Совета министров и Верховного правителя Г.Г. Тельберга видно, что конкретные цели новой власти соответствовали этому: «Наша задача не спасение революции, не спасение свободы, даже не спасение демократии, а восстановление государств-

ва, т.е. того живого организма, который создан вековым трудом народа, который помог нам перенести через века нашей истории величайшие удары и величайшие опасности, и вне которого нет свободы и демократии»².

Другой важнейшей задачей власти стало «воссоздание национального единства России». В результате власть столкнулась со всем объемом национальных проблем. Она стояла перед необходимостью выработать политику по отношению к коренным народам, национальным меньшинствам, малочисленным народам, составной частью которой было определение национально-государственного устройства страны.

К окончанию первой мировой войны выросла значимость национальных отношений во всей системе общественной жизни. Вопрос о самоопределении народов стал одним из ведущих во внутренней и международной политике различных стран. Воюющие государства считали своим долгом провозгласить лозунг самоопределения народов, проживавших на землях противника, используя его в первую очередь для обеспечения собственных политических интересов.

Принцип национального самоопределения как возможной нормы послевоенного устройства впервые был выдвинут странами Антанты и США. Но идея права населения решать вопросы о статусе своей территории в то время была далека от того, чтобы заместить другую, более древнюю – право сильного. Применение этого принципа предусматривалось только в отношении германских колоний. В начале 1918 г. союзники взяли курс на расчленение Австро-Венгерской империи и создание на её территории государств, находящихся в сфере влияния Англии, США и других стран коалиции.

Одним из главных сторонников принципа самоопределения выступил президент США В. Вильсон. Его концепция изменялась. Он развивал её, сообразуясь с политической конъюнктурой. В 1916 году Вильсон предложил идею «внутреннего самоопределения», подразумевая под этим право народа выбирать такое правительство, при котором народам будет более удобно жить. Позже американский президент сформулировал принцип «внешнего самоопределения», согласно которому народ мог выбирать такую форму суверенитета, какую хотел. Обострение противоречий на европейском континенте в годы войны привело В. Вильсона к мысли о необходимости связать самоопределение с национальным принципом, что придавало этому лозунгу этнический характер. Одновременно Вильсон выдвигал принцип невмешательства извне в дела государства. В январе 1918 года В. Вильсон выступил с программой мирного послевоенного урегулирования, которая известна как «14 пунктов Вильсона».

В ней он отметил, что основным субъектом является народ, имеющий право на самоопределение. Но 11 и 13 пункты предусматривали образование Сербского и Польского государств с выходом к морям. Подразумевалось, что они получают территории с многонациональным населением. В дальнейшем при определении судьбы конкретных народов В. Вильсон подошел к праву на самоопределение избирательно, предложив применить право «сецессии» исключительно к народам Четверного Союза.

Несмотря на декларирование «14 пунктов» Вильсона, в ходе подписания мирных договоров границы государств пересматривались, исходя из политических интересов стран – победительниц. Обычно это происходило без учета мнения народов, чьи интересы эти изменения затрагивали³. Для более эффективного решения вопроса о колониальных территориях Германии в 1919 г. была введена мандатная система, которая вначале не преследовала идей деколонизации. Мандатные территории передавались Великобритании, Франции, Бельгии и Японии.

Россия занимала стратегическое положение в системе международных отношений. Омское правительство рассчитывало принять участие в Парижской мирной конференции, в решении судеб мира и России, представляя здесь «интересы всего русского государства». К началу 1919 года была решена одна из важнейших задач – сокращение военно-политического могущества Германии, её стремление к гегемонии в Европе. Но оставалась другая – балкано-ближневосточная, занимавшая одно из главенствующих мест в российской политике, а также польский вопрос. Они затрагивали непосредственные интересы России как в большой, так и в малой политике.

На ситуацию влияла позиция большевистского правительства, которое выдвинуло идею права наций на самоопределение в качестве основы национального государственного строительства. Его реализация связана была с целостностью государства и потому особенно значима для омского правительства, отстаивающего принцип единства и неделимости России.

Впервые же дни своего существования колчаковское правительство определило отношение к самоопределению народов устами управляющего министерством иностранных дел Ю.В. Ключникова, который в интервью с представителями прессы заявил, что Россия «может стать великой и сильной». По его мнению, она должна играть роль одного из главных действующих лиц на международной арене, стать одной из величайших опор для формирования миропорядка, Лиги Наций и при этом сохранять свои классические параметры. Мир на основе «самоопределения народов» он не отвергал «как идеал» и «как высшее достижение международной справедливости», но «без крайностей», т.е. «разложения

государства»⁴, ибо признание подобного порядка оправдывало появление новых самостоятельных государств на территории бывшей Российской империи. Раздробление России было бы, по его признанию, «преступлением по отношению к прогрессу» и «разуму истории».

Рассматривался и другой аспект — геополитическая роль России. Так, министр иностранных дел С.Д. Сазонов подчеркивал, что «урезанная и ослабленная Россия» не смогла бы сдержать Германию. А это «противоречило бы интересам держав согласия и упрочнению мира»⁵. В речи, произнесенной в Кургане в начале февраля 1919 г., и Верховный правитель к числу важнейших задач отнес усиленную работу всех слоев населения за восстановление России в её прежних границах⁶.

О стремлении говорить от имени России, как великой державы, свидетельствует протест МИД персидскому правительству, которое признало недействительными конвенции и обязательства, заключенные между Персией и Россией. Министерство иностранных дел уведомило, что «это нарушает права России и отдельных граждан, и потому считает все ранее заключенные договоры, конвенции и концессии сохраняющими свою силу»⁷.

Отделение Прибалтики, Закавказья, Украины, Финляндии и Польши вызывало противодействие со стороны омской власти. Особую активность развили представители этих государств в деле признания своей независимости после опубликования «14 пунктов» президента США Вильсона и открытия мирной конференции в январе 1919 г. В Париж, где она проходила, прибыли члены правительства республики союза народов Черкессии и Дагестана, дипломатическая миссия Украинской народной республики (петлюровской УНР), представители Азербайджана, Грузии, Армении, Прибалтийских республик.

Для защиты своих интересов колчаковский Совет министров 17 декабря 1918 года вынес решение о создании при МИД Особого подготовительного к мирным договорам совещания. Работа в нём шла по экономической, политической, финансовой, правовой, военно-морской секциям, а также секции военнопленных. О результатах каждого совещания докладывали Совету министров. На Совещании широко обсуждались вопросы будущего устройства мира и России, славянских народов, национальные проблемы в России, «помощь славян в деле возрождения русской государственности»⁸.

В Постановлении Совета министров определялся его состав. Председателем назначался министр иностранных дел, а членами — его заместитель, директор второго департамента МИД и советники политических отделов, представители от всех министерств, Государственного контроля и особо приглашенные. Такой уровень представительства сви-

детельствовал об особой значимости обсуждаемых вопросов для власти, о приоритетных задачах российской политики.

На Совещение возлагалось «собрание и всесторонняя разработка материалов по вопросам, связанных с мирными переговорами и взаимоотношениями России с союзниками и помощи, оказываемой им Россией». Для содействия этому при министерствах были созданы ведомственные комиссии, которые должны были осуществлять подготовительную работу и выполнять поручения Совещения. Особое совещание объединяло деятельность ведомств и составляло на основании собранных материалов окончательные заключения, передаваемые в Совет министров⁹. Основным принцип, которым должно было руководствоваться Совещение, заключался в выяснении вопросов «подлежащих разработке на предстоящей мирной конференции и составления соображений о решении означенных вопросов в согласии с интересами России»¹⁰.

Все предпринятые меры свидетельствовали о серьезности намерений колчаковского правительства по защите российских интересов. Совещение работало в течение двух месяцев и завершилось 4 февраля 1919 года. На заседаниях обсуждались и практические, и теоретические вопросы. 9 февраля на заседании рассматривалась проблема о праве наций на самоопределение.

Председательствовал на нем исполняющий обязанности товарища министра иностранных дел В.Г. Жуковский. Он сообщил, что «наша революция и президент Вильсон» выдвинули новый принцип международной политики – право народов «самим устраивать свою судьбу», «не быть предметом тайной политики правительств». Он заметил, что самоопределение народностей можно разделить на два вида: самоопределение внешнее, международное и самоопределение внутригосударственное, подчеркнув, что наиболее сложным является последнее. Содержание его, по мнению В.Г. Жуковского, заключалось «в определении политических условий существования национальностей в составе более «обширных государственных объединений», пределах национальных автономий, способности народов так жить, чтобы не мешать жить другим народностям, политически с ними связанных»¹¹. Решение этих проблем должно было определить принципиальную позицию российских делегатов.

В начале XX века не существовало международно-правовой системы, которая в стройном, логическом порядке регулировала бы политический статус территорий. Идея самоопределения народов вызывала большие споры специалистов и политиков по ряду аспектов: является ли она правовым, политическим или моральным принципом, может ли быть высшей императивной нормой международного права, кто может стать субъектом самоопределения (этнос или территория). Не меньшие

проблемы представляло её практическое воплощение: формы, условия и последствия, степень ответственности самоопределяющихся народов, сущность понятия «воля народа».

Все эти вопросы в той или иной степени были затронуты в специальной записке В.И. Язвицкого, исполнявшего обязанности советника Второго политического отдела министерства иностранных дел, предложенной для обсуждения на этом заседании. Речь шла о выяснении субъектов самоопределения, условий внешнего и внутреннего самоуправления, важности и сложности этой проблемы для России и мира. Он писал о кризисе государства, который вызвал процесс распада.

Язвицкий считал, что в воссоздании России «на первое место выступает вопрос о самоопределении народностей», поскольку после разрушения большевиками российского государственного аппарата «под влиянием советской агитации» эпидемия «самостийничества» охватила не только отдельные народности, но и породила «республики» из русского народа. Но постепенно, как он считал, этот процесс прекратился и к централизации стала стремиться даже Советская власть.

Он подчеркнул, что в Сибири утвердилась новая Всероссийская государственная власть, которая должна представлять интересы «всего русского государства на мирной конференции», территория и граница которого должны быть четко определены. Автор доклада пояснил, что, являясь политической организацией, государство не может руководствоваться интересами только одной входящей в него национальности». Главным фактором государственной жизни являлись, по его мнению, «наличие естественных богатств, военная безопасность, экономическая независимость, обусловленная возможностью владеть такими границами, которые дают выход в открытое море». С его точки зрения, исторический опыт показал, что «государственный принцип сильнее этнографического». Следование в первую очередь этнографическому принципу, по его заключению, привело бы к распаду России, Англии, Бельгии и ряда других государств, сделало бы невозможным создание Чехословакии и Югославии.

Он попытался объяснить разрушение «договорного государства Австро-Венгрии», отторжение территории и населения от Германии и России (самостоятельность Польши). Главную причину он усматривал в том, что «принцип самоопределения народностей» совпал «с экономическими интересами возникающих государств», а последние стали определяющей гарантией их политической самостоятельности. То есть в основании политического самоопределения и создания государства не может быть одного только этнического интереса.

Что касается Австро-Венгрии и Турецкой империи, то, по его мнению, не принцип национального самоопределения определил их распад,

а новые геополитические реальности. Австро-Венгрия перестала быть буфером против славянских государств, изжила себя Османская империя, ибо отпала необходимость ее как фактора «сохранения политического равновесия». Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в Турции «отдельные национальности оказались культурно и экономически сильнее господствующей нации». В Австро-Венгрии угнетение земледельческих народов (славян и русских) привело к борьбе за обеспечение собственных экономических интересов. Главный вывод, который сделал В.И. Язвицкий, заключался в том, что реализация «идеи самоопределения» возможна только «при совпадении экономических и национальных интересов», для самостоятельного политического существования необходимы и экономические ресурсы¹².

В.И. Язвицкий говорил о критериях и условиях, при которых «политическое самоопределение народностей допустимо и не наносит ущерба мирному сожительству народов». Во-первых, к их числу он отнес области существующих государств, которые «были отторгнуты или искусственно присоединены другими, но являющиеся культурно или экономически связанными с основными государствами» (Прикарпатская Русь, Сербо-Хорватия, Буковина и др.). Во-вторых, культурно-самостоятельные государства, подвергшиеся захвату со стороны других, но не утративших своей культуры и ресурсов дальнейшего развития» (Чехия и Польша). Эти вопросы могли быть обсуждены на мирной конференции.

Остальные вопросы он отнес к проблемам внутренней политики России. В.И. Язвицкий предлагал для народностей «некультурных, завоеванных или добровольно присоединившихся», а также «достигших культуры благодаря тому государству, в составе которого они находятся и от которого экономически зависят, право на культурно-национальную автономию». Но в то же время он выразил опасение, что отделение таких народностей может привести к присоединению их к другим государствам, если они заселяют приграничные области (литовцы, белорусы, кавказские и прибалтийские народы и др.), что создавало бы угрозу самосохранению государства, в состав которого они входили.

Были рассмотрены и другие ситуации, когда политическое самоопределение невозможно. В случае, когда входящие в состав государства народности были «близки ему по крови, языку и культуре», заключали в своих границах естественные богатства, и, ввиду экономического и стратегического значения, могли лишиться «основное государство» возможностей дальнейшего развития и средств самозащиты из-за своего отделения, они имели «право лишь на культурно-национальную автономию» (Украина). Не могли получить политической автономии отдельные народности, «чуждые по крови и культуре господствующей нации»,

входящие в состав государства (Ирландия, Финляндия), если их полное отделение прямо угрожало экономическим и военным интересам основного государства».

Он обращал внимание на следующее обстоятельство: в процессе самоопределения участвуют две стороны и интересы каждой из них должны быть соблюдены. Таким образом, была сформулирована необходимость взаимного учета интересов при реализации права наций на самоопределение. Кроме того, автор записки обратил внимание на то обстоятельство, что не все вновь созданные государства могут осуществить свои права. Например, из-за «незначительного населения в самом центре господствующей нации» (чуваши, мордва и т.п.). В.И. Язвицкий утверждал, что именно этими общими принципами следует руководствоваться при определении границ России на конференции в Париже¹³. При обсуждении участники заседания сделали ряд существенных замечаний. Было отмечено, что понятие самоопределения народов «лишено достаточной определенности». В России его понимали как политическое самоопределение, в США – как самоуправление. Итоговый документ предлагал разграничивать самоопределение на международное и внутригосударственное, на политическое, культурное, религиозное, учитывая при этом, «что международные отношения не могут определяться одним этнографическим принципом»¹⁴.

Г.К. Гинс, товарищ министра иностранных дел, выказался за то, чтобы в документах были отражены не общие принципы, а конкретная ситуация, связанная с Россией. Он предлагал при «разрешении политических вопросов исходить не из отвлеченных принципов, а из соотношения интересов». С точки зрения российских интересов, по его замечанию, предпочтительнее было бы руководствоваться лозунгом «мир без аннексий», что позволило бы защищать российские права «от посторонних притязаний» (например, от притязаний Румынии на Бесарабию). А еще лучше – выяснить суть претензий отдельных народов к России, чтобы «защищаться от этих притязаний», что применимо и «в отношении внутригосударственных претензий на автономию».

В целом участники Совещания согласились с тем, что вопросы внутригосударственного самоопределения «не могут быть предметом обсуждения на международной конференции», внутреннее же самоопределение следует допустить в пределах, в коих «оно не угрожало бы экономическому строю государства и его стратегической безопасности»¹⁵.

Особую озабоченность у власти в это время вызвал польский вопрос, поэтому он рассматривался отдельно, но во взаимосвязи с комплексом проблем: геополитическими, славянскими и государственными интересами России. Это было отражено в специальном докладе по польскому вопросу, составленному 2-м политическим отделом МИД. В част-

ности, министерство иностранных дел считало, что на мирной конференции польский вопрос следует разрешать в интересах польского народа, но не следует забывать и об экономических интересах России, в том числе о перенесении на Польшу соответственной части государственного долга.

В случае, если Польша не отказалась бы «мыслить свое государственное бытие в связи с Россией», то на конференции МИД рекомендовало «отстаивать единство военной силы, сосредоточение внешней политики в русских руках и однообразие финансовой политики». В интересах Польши необходимо было обеспечить выход к морю, как было предложено ранее МИД. Указанный доклад предлагал отстаивать выход к морю для Польского государства на севере через Данциг. Выход к Черному морю считался неприемлемым, т.к. это могло усилить великодержавные «устремления Великой Польши от моря и до моря», но ослабило бы положение России в этом регионе.

Такой подход был выгоден с точки зрения других геополитических интересов, т.к. выход к Балтийскому морю поставил бы «границу вожделениям германизма на наши Прибалтийские губернии». В противном случае это «означало бы и утрату прекрасных портов», т.е. привело бы к экономическим потерям России.

Большое значение придавалось установлению границ России с Польшей при учете «стратегических интересов России как будущего защитника всего славянства»¹⁶. Польское независимое государство должно было образоваться, по рекомендации МИД, «из всех земель, населенных в большинстве польским народом», т.е. на основе этнографического принципа. Это вполне соответствовало «декларации Вильсона о перестройке Европы на национальных началах», как полагало министерство иностранных дел. В состав независимой Польши предлагалось включить выделенное из пределов России Царство Польское без Холмской области, выведенную из состава Австро-Венгрии западную часть Галиции, восточную часть австрийской Силезии; выделенную из пределов Германии юго-восточную часть прусской Силезии и Познанскую область. По мнению министерства, ни в коем случае нельзя было включать в состав этого государства Литву, Белоруссию и Малороссию, ибо «поощрение подобных стремлений» привело бы к войне с Россией. На мирной конференции предлагалось воссоединить Холмскую, Галицкую, Буковинскую и Угорскую Русь с Россией, не допуская унии между и Литвой. Созданная на такой основе Польша, как полагало министерство, будет важным фактором противодействия Германии, «станет твердым оплотом против напора срединных держав на славянство»¹⁷.

Кроме того, выдвигалось предложение специальными конвенциями оградить права русских, как национальных меньшинств, в Польше:

право русского населения на свои школы, полная свобода православного богослужения, право русских подавать прошения в правительственные учреждения на русском языке»¹⁸.

В начале февраля 1919 г. Особое совещание выработало детальную программу действий российской стороны на международной конференции в наиболее важных для страны направлениях: об общих принципах представительства на мирной конференции и основах его работы; о самоопределении народов; о свободной торговле; о проливах и Константинополе; по славянскому вопросу. Русская делегация должна была участвовать в работе конференции на равных основаниях с делегациями великих держав.

Одна из важнейших стратегических задач формулировалась следующим образом: «сочувственно отнестись к демократическим принципам президента Вильсона, положенным в основу будущего, в связи с войной, мирного сожительства народов, предохранить ослабленную Россию от унижения её государственного достоинства и оградить её самостоятельное экономическое развитие»¹⁹.

Принятые общие политические принципы тоже отвечали идее государственной целостности России: «Необходимо ограничение национального начала при построении программ международных отношений во время начала государственного и правового». Раздел о самоопределении народов повторял основные положения, разработанные на совещании 9 января.

Большое внимание было уделено проблеме «Россия и славянский вопрос». Особое совещание считало обязательным признание независимости таких славянских государств, как Польша, Югославия, Чехословакия при необходимости установления их территориальных связей. Одновременно оно предлагало создание культурного объединения славян и «всемерное способствование» политическому объединению – Общеславянскому союзу²⁰. Панславизм, таким образом, стал составной частью государственной идеологии колчаковской власти. Это было объяснимо: в условиях всеобщей этнической дезинтеграции строительство экономических и политических отношений на основе панэтнической общности виделось как форма единения, сплочения, и условие смягчения межгосударственных конфликтов. Это было способом самоиндификации России в меняющемся мире.

В целом же Российское правительство во внутренней политике не смогло разработать целостной национальной политики, ограничиваясь реакцией на конкретные прецеденты. Во внешней политике с мнением российских представителей по проблемам реализации права наций на самоопределение с учетом стратегической безопасности и целостности России никто не считался.

-
- ¹ Сибирская речь. 1918. 4,14 сент.
- ² Сибирская жизнь. 1919.12 янв.
- ³ Грушкин Д.В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощение идеи // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. М., 1997. С.9.
- ⁴ Русская армия.1918. 21 нояб.
- ⁵ Наши дни. 1919. 1 мая.
- ⁶ Народная газета.1919. 20 февр.
- ⁷ Правительственный вестник.1918. 1 дек.
- ⁸ Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране Советов (январь – июль 1919 года). Киев, 1971. С. 44; Русская армия.1919. 7 февр.; Красный архив.1929. Т.2 (33). С. 87 – 88.
- ⁹ Правительственный вестник.1919. 7 янв.
- ¹⁰ Скаба А.Д. Указ. Соч. С.44.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.200. Оп. 1. Д. 261а. Л.9 – 9 об.
- ¹² Там же. Л.13 – 14.
- ¹³ Там же. Л.15- 15 (об).
- ¹⁴ Там же. Л. 9 (об).
- ¹⁵ Там же. Оп. 1. Л. 10 – 11.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 360. Л. 1-2.
- ¹⁷ Там же. Л. 3, 4, 7.
- ¹⁸ Там же. Л.2.
- ¹⁹ Остапенко А.И. «Белое движение» и проблемы целостности России. // Российское государство и общество. XX век. М., 2000. С. 537.
- ²⁰ Там же. С. 542.